

В последнее время на Ши Фэя точно порчу навели. Стоило ему выйти из дома, как на голову едва не рухнул цветочный горшок; на улице его с ног до головы окатили грязной водой; даже в суде, стоило ему припечатать стол должностной печатью, он умудрился прищемить себе палец. Но и на этом беды не закончились — когда тяжёлый день наконец подошёл к концу, Ши Фэй среди ночи отправился по нужде, поскользнулся и вывихнул лодыжку.

Ну разве можно быть настолько невезучим?!

Как только боль немного утихла, он первым же делом похромал в павильон пирожных «Сто вкусов», чтобы высказать Лун Юю всё, что он думает о его «карканье».

— Впервые вижу человека, чей язык настолько притягивает беды! — ворчал он, скрежеща зубами. — Господин Лун, ну посмотрите на себя: лицо ангельское, а речи — чистый яд!

Лун Юй одарил его равнодушным взглядом.

— Я много чего предсказывал, но сбылось только это. Так кто из нас двоих виноват: я со своим длинным языком или ты со своей судьбой горемычной? — Он вскинул бровь, и Ши Фэю захотелось от досады лезть на стенку.

Сказал как отрезал — просто издевательство какое-то!

— Мой Циньцин никогда не каркает попусту. Это ты просто неудачник, — подал голос Я И, обнимая Лун Юя за плечи с совершенно бесстыдным видом.

Надо признать, язык у Лун Юя и впрямь был ядовитым — он никогда не стеснялся в выражениях. Впрочем, язвил он только тогда, когда ему было скучно или он пребывал в добром расположении духа. Если же настроение у него портилось, он не тратил слов впустую — сразу стирал обидчика с лица земли. Коротко и ясно.

Ши Фэй уже открыл рот, чтобы ответить, но тут к нему подбежал запыхавшийся стражник.

— Господин! Скорее возвращайтесь в управу! В семье Тун снова драка! На этот раз того и гляди до смертоубийства дойдёт!

— У них любая ссора — «почти смертоубийство», — проворчал Ши Фэй, поднимаясь. — Снова из-за Вэй Чжуна?

— Из-за него, кого же ещё! Родня Тун кричит, что он — Небесная Одинокая Звезда, проклятый на вечное одиночество, и требуют выгнать его вон. Но вы же сами знаете: всё наследство его покойных родителей сейчас в руках дядьёв. Разве он может уйти с пустыми руками? — Стражник на мгновение замаялся, а потом добавил вполголоса: — Не считите за дерзость, господин, но мальчишка и впрямь странный. Ещё не родился — отца в могилу свёл, только на

свет появился — мать преставилась. Все, кто его приютить пытался, то в болезни впадали, то в убытки. А характер у него — кремень. В пятнадцать лет на родных дядей руку поднял... Кто знает, что из него вырастет?

— Ладно, кончай болтать. Идём, — прервал его Ши Фэй. — Надо посмотреть, чтобы они там и вправду друг друга не перерезали. Люди в этой семье жадные: и паренька выгнать хотят, и добро его прибрать. На двух стульях усидеть решили.

— Суд будет открытым? — внезапно спросил Лун Юй.

— Да, — обернулся к нему Ши Фэй. — Неужели господин Лун желает...

— Разумеется! — Лун Юй расплылся в улыбке. — Грех пропускать такое зрелище.

— Господин, этот малец — сама беда, не стоит вам с ним связываться, — искренне предостерег его стражник. Лун Юй выглядел слишком хрупким; не дай бог, проклятие этого мальчишки и его заденет.

Лун Юй лишь загадочно улыбнулся и ничего не ответил. Когда Ши Фэй со стражником скрылись за дверью, он тихо, будто самому себе, прошептал:

— Гибельная аура? Неужели она тяжелее моей?

Я И притянул его к себе и запечатлел на щеке мимолётный поцелуй. Ничего не говоря, они взялись за руки и неспешным шагом направились к управе — смотреть «представление».

В управе было шумно, как на базаре. Несколько женщин вопили на всю округу, окружив рослого, широкоплечего юношу. С виду ему никак нельзя было дать пятнадцать лет, но он замер, с лицом холодным и неподвижным, словно гладь глубокого омута. На крики и оскорбления он не обращал ни малейшего внимания. Перед судейским столом трое мужчин, потирая ушибы, охали и стонали так жалобно, будто были при смерти. Впрочем, судя по тому, как громко они причитали, сил у них было хоть отбавляй.

Ши Фэй почувствовал, как начинает ныть голова. Больше всего на свете он ненавидел разбираться в семейных дрязгах. Если бы Вэй Чжун не пустил в ход кулаки, это дело и вовсе не дошло бы до суда — родне стоило бы решить всё за закрытыми дверями под присмотром старейшин.

«Видимо, семейка Тун совсем берега попутала, раз довела пацана до такого», — подумал Ши Фэй. Вспомнив собственные домашние неурядицы, он горько усмехнулся про себя, однако лицо его осталось бесстрастным. Сочувствие — сочувствием, а закон один для всех.

Бам!

Удар судейского молотка мгновенно оборвал гвалт. Все присутствующие тут же смолкли и опустили на колени по обе стороны зала. С одной стороны теснилась толпа родственников, с другой — стоял один-единственный человек.

— Чего разорались?! Есть обида — излагайте по существу! Управа вам не привоз, чтобы глотки драть! — Ши Фэй придал лицу суровости, и в этот миг в нём действительно проснулось величие чиновника.

В толпе зевак Лун Юй подтолкнул Я И локтем:

— Гляди-ка, а Ши Фэю идёт этот наряд. Стоит напустить на себя важности — и вылитый министр.

— Что, Циньцин, тебе нравится такой типаж? — Я И прищурился, в его глазах заплясали лукавые искорки. Он легонько сжал талию Лун Юя, за что тут же получил локтем под дых.

— Не мели чепухи. В моих глазах есть место только для Короля Подземного мира, остальные мне и даром не нужны, — Лун Юй капризно вскинул подбородок, выглядя при этом настолько очаровательно, что Я И едва сдержался, чтобы не обнять его прямо здесь.

Он склонился к самому его уху и прошептал:

— Не беспокойся, душа моя. Твой Король тоже видит лишь свою Императрицу.

Горячее дыхание коснулось мочки уха, вызывая по телу Лун Юя лёгкую, приятную дрожь. Он повёл головой и случайно задел губы Я И. Тот мимолётно коснулся языком его щеки, заставив Лун Юя в шутку возмутиться:

— Бесстыдник.

Голос его прозвучал почти ласково. Я И прижал его к себе крепче, а на его лице расцвела такая искренняя, тёплая улыбка, что случайный прохожий мог бы ослепнуть от этого сияния счастья.

Впрочем, толпе было не до них — все взоры были прикованы к помосту.

— Господин судья! Сердце у этого волчонка чернее ночи! Родного дядю избил! — Старшая невестка семьи Тун, Юй-ши, первой зашла в притворном плаче. — Мы его растили, кусок от себя отрывали, а он... Обидел, господин! Нет на него управы!

— Защитите нас, господин! — вторили ей вторая и третья невестки, старательно выдавливая слёзы из сухих глаз.

— Вэй Чжун, — Ши Фэй снова ударил молотком, заставляя женщин умолкнуть. — Говорят ли они правду?

— Правду, — ответил юноша, выпрямляя спину. В его голосе не было ни капли раскаяния. Он уже решил для себя, что судья примет сторону семьи.

— Тогда объясни: почему ты поднял руку на родную кровь? — Этот вопрос застал врасплох всех: и Вэй Чжуна, и семейство Тун.

По логике вещей, после признания должны были последовать палки. С чего бы судье интересоваться причинами?

— Они прибрали к рукам всё, что оставили мне родители, — холодно произнёс Вэй Чжун. — Денег не дают, а теперь и вовсе за порог выставить хотят.

— Юй-ши, это так? — Ши Фэй перевёл взгляд на женщину. Та уже открыла рот, чтобы всё отрицать, но судья добавил: — Подумай хорошенько. За ложные показания в суде полагается тридцать ударов палками. Меньшим не отделаешься.

Юй-ши поперхнулась, её глаза забегали.

— Господин, вы не так поняли... Мы договорились: как исполнится мальчишке шестнадцать, так и отдадим ему и землю, и дом. Год остался, всего год! А он вздумал всё продать и сбежать. Мы не позволили, вот и вышла потасовка. Смилуйтесь, господин!

— Вэй Чжун, если срок ещё не вышел, зачем тебе такая спешка? — Ши Фэй снова обратился к парню. Родня Тун уже начала тихо негодовать, но вслух возражать не смела.

— Жить стало невмоготу, — без тени эмоций бросил Вэй Чжун. — Пришлось искать другой путь. А добро это — родительское, моё. Хочу — храню, хочу — продаю.

Эти слова эхом отозвались в зале. «Жить невмоготу»? Люди в толпе зашептались. Сразу стало ясно, что тётки не в бирюльки с ним играли. Довели парня, не иначе.

— Господин, он лжёт! Мы его кормили-поили, а он нам — нож в спину! — заверещала Юй-ши, и невестки тут же подхватили её вой.

Бам!

— Хватит! — отрезал Ши Фэй. — Сами знаете, правду говорите или нет. Говорят, мудрому судье трудно рассудить домашние ссоры, но раз уж вы здесь, я положу этому конец.

Он обвёл зал тяжёлым взглядом.

— Оставим обиды. Поговорим о деле. До совершеннолетия Вэй Чжуна остался год, но он желает уйти сейчас. Вэй Чжун, я спрашиваю тебя: ты твёрдо решил уйти? Неужели не потерпишь ещё год?

Юноша поднял глаза. В его взгляде, обычно холодном, вспыхнула затаённая, жгучая ненависть.

— Я и так терпел слишком долго.

— Хорошо, — Ши Фэй кивнул. Он видел, что парень на пределе; ещё немного — и случится беда. — Тогда скажи: готов ли ты отдать пятую часть наследства этим людям в обмен на то, чтобы получить остальное сейчас и навсегда забыть дорогу к их дому?

Это был единственный способ — дать жадной родне отступные, чтобы они отвязались.

Вэй Чжун замолчал, взвешивая решение.

— Если жаль добра — терпи год, — негромко добавил Ши Фэй.

Эти слова будто подстегнули юношу. Он вскинул голову — в этот миг он походил на загнанного, но опасного волка.

— Не нужно. Я согласен на ваши условия, господин.

— А вы? — Ши Фэй посмотрел на семейство Тун.

Те, конечно, хотели бы забрать всё, но понимали — в суде им этого не позволят. Упустить «проклятого» мальчишку и при этом получить жирный кусок прямо сейчас? Это было куда лучше, чем судиться годами.

Родственники переглянулись и быстро закивали.

— Как прикажете, господин судья! Ваша воля — закон!

В итоге Вэй Чжун отказался от пятой части имущества и официально разорвал все связи с семьёй Тун.

Уходя из управы, он на мгновение обернулся и посмотрел на Ши Фэя. Тот устало массировал переносицу. В душе юноши что-то шевельнулось — крошечная искра благодарности, но она тут

же погасла, не успев разгореться. Вэй Чжун быстро распродав то, что ему осталось, и навсегда покинул город Яньси. Больше о нём никто и никогда не слышал.

Лун Юй и Я И шли домой, плечом к плечу.

— Не думал, что встречу в этом мире настоящую Небесную Одинокую Звезду, — Лун Юй хмыкнул. — Парнишка так и лучится гибелью. Такая аура не за день копится, она в самой крови замешана. Видно, звёзды в час его рождения в дурном порядке сошлись.

— Каждому такому проклятию миром предписано противовесие, — задумчиво произнёс Я И. — Как рядом с ядовитой травой всегда растёт целебная, так и для него должен был найтись человек, способный усмирить эту тьму. Но он... — Я И покачал головой. — Ушёл слишком рано. Срок не пришёл.

— Значит, разминутся, — подытожил Лун Юй. — Обидно, конечно. Но что поделать? Ошибся временем — считай, потерял судьбу.

Всего один год. Мальчишка не дождался одного года, не зная, что именно в это время всё могло измениться. Жалел ли он об этом потом? Кто знает.

Впрочем, какое им до этого дело?

Они посмотрели друг на друга, и в их глазах отразилось общее, невысказанное тепло.

«Как хорошо, что мы успели. Что мы не прошли мимо».

Их руки сами собой переплелись — так же естественно, как текла их жизнь, как само собой разумелось их общее будущее.

<http://bllate.org/book/17558/1714150>